
Поэзия русского футуризма / Сост. и подгот. текста В. Н. Альфонсова и
С. Р. Красицкого, персональные справки-портреты и примеч. С. Р. Красицкого
ОСР Бычков М. Н. <mailto:bmnn@lib.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

- 165. Пьянителю рая ("Пьянитель рая, к легким светам...")
- 166. Тепло ("Вскрывай ореховый живот...")
- 167. Вокзал ("Мечом снопа опять разбуженный паук...")
- 168. Андрогин ("Ты вырастаешь из кратера...")
- 169. Лунные паводы ("Белей, любуйся из ковчега...")
- 170. Полдень ("Из двух цветочных половинок...")
- 171. Предчувствие ("Расплещутся долгие стены...")
- 172. Аллея лир ("И вновь - излюбленные латы...")
- 173. Исполнение ("Прозрачны зной, сухи туки...")
- 174. Николаю Бурлюку. Сонет-акrostих ("Не тонким золотом Мирины...")
- 175. Дворцовая площадь ("Копыта в воздухе, и свод...")
- 176. Новая Голландия ("И молнии Петровой дрожи...")

Вхождению Бенедикта Константиновича (Наумовича) Лившица в группу "Гилея" предшествовали публикации отдельных его стихотворений в разных изданиях, в том числе в журнале "Аполлон", и выход в свет книги "Флейта Марсия" (Киев, 1911), не очень отличавшейся от многочисленных поэтических книг, возникших на стыке символизма и акмеизма, но получившей положительную оценку В. Брюсова и Н. Гумилева.

"В 1912, - вспоминает Лившиц, - в моих литературных взглядах происходит перелом, лично мне представляющийся результатом естественной эволюции, но моим тогдашним единомышленникам казавшийся ничем не оправданным разрывом со всем недавним окружением" {1}. Немаловажную роль в этом переломе сыграло знакомство Лившица с Д. Бурлюком.

В сборнике "Пощечина общественному вкусу" (М., 1913 [1912]) Лившиц поместил свои произведения, но манифест не подписал и позже резко критически его оценивал: "Я спал с Пушкиным под подушкой <...> - и сбрасывать его, вкупе с Достоевским и Толстым, с "парохода современности" мне представлялось лицемерием. Особенно возмущал меня стиль манифеста, вернее, отсутствие всякого стиля..." {2}. Однако вскоре после своего футуристического дебюта он стал одним из самых активных участников группы кубофутуристов, проявляя себя не только как поэт, но и как теоретик: его статья "Освобождение слова" открывала альманах "Дохлая луна". Вместе с другими бюджетлянами он попадает под обстрел критики. В. Брюсов осуждал Лившица за "намеренную аграмматичность" его прозаической миниатюры "Люди в пейзаже", вошедшей в "Пощечину общественному вкусу", при этом характеризует его как писателя, "прекрасно владеющего и обычным, "правильным" языком" {3}. О "дешевой красавице" своего бывшего коллеги по "Аполлону" писал Гумилев {4}. Двойственность футуристической поэзии Лившица отмечалась критиками неоднократно. К. Чуковский писал: "...Напрасно насилует себя эстет и тайный парнасец г. Бенедикт Лившиц, совершенно случайно примкнувший к этой группе. Шел бы к г. Гумилеву! На что же ему, трудолюбцу, "принцип разрушенной конструкции"! Опьянение отличная вещь, но трезвый, притворившийся пьяным, оскорбляет и Аполлона и Бахуса!" {5}

Сам Лившиц оценивал этот свой период по-другому: "Во всех многочисленных, шумных, а зачастую скандальных <...> выступлениях "Гилей" я принимал неизменное участие, так как несмотря на все, что меня отделяло, например, от Крученых и Маяковского, мне с бюджетлянами было все-таки по пути" {6}. Но отделяло, как оказалось, многое. Крайностей футуризма Лившиц, в конечном счете, не принял. Его отход от группы был неизбежен, а начало мировой войны и призыв в действующую армию удостоверили этот разрыв.

Стихи Лившица футуристического периода составили книгу "Волчье солнце" (М. [Херсон], 1914). Следующая книга - "Болотная медуза" (не вышла; 9 стихотворений из нее составили сборник "Из топи блат", изданный в Киеве в 1922 году) - явилась, по словам Лившица, "естественным противодействием" - реакцией "на разрежение речевой массы, приведшее бюджетлян к созданию